

Анна Сорока
Соня Миронова

МОЙ МАЙОР

★
Ночная смена

Соня Миронова

Мой майор. Ночная смена

«Автор»

«Автор»

2026

Миронова С.

Мой майор. Ночная смена / С. Миронова — «Автор», «Автор»,
2026

Ночная смена в аптеке закончилась ножом у моего горла. Я не отдала бандитам ключи от сейфа — и едва не поплатилась за это жизнью. Меня спас майор Григорий Шахов, начальник уголовного розыска. Для преступников он беспощаден. Со мной — бережен так, что от одного прикосновения перехватывает дыхание. Теперь он охраняет наш с сестрой дом, чинит замки и оставляет себе третий комплект ключей. А я впервые за долгие годы хочу, чтобы мужчина остался. Только налёт был началом: за аптечным налётом тянется цепь предательства, а враги знают, где живёт моя младшая сестра. Шахов обещал нас защитить. Но сможет ли он впустить меня в сердце, которое пять лет держал под замком?

© Миронова С., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Анна Сорока

Мой майор. Ночная смена

Мой майор. Ночная смена

Авторы: Анна Сорока и Соня Миронова

Глава 1

Я проверила засов ночного шлюза и вернулась к кассе. За бронированным стеклом дежурной аптеки «Фарма-Север» выл уральский буран. Ветер швырял в витрину колючую ледяную крупу, и в темноте за перекрестком улиц Ленина и Горняков едва мерцали тусклые рыжие факелы металлургического комбината. На ртутном термометре за рамой замерло минус двадцать. В такие ночи Рудный словно вымирал: редкие заводские автобусы ползли сквозь белую муть, а жилые кварталы тонули в тяжелых, серых от копоти сугробах.

Я сидела за кассовым узлом, вперив усталый взгляд в синеватый экран монитора. Пальцы неприятно сводило от сухого больничного холода: старые чугунные радиаторы под подоконниками еле теплились, совершенно не справляясь со сквозняком из материальной комнаты. Передо мной лежала свежая товарно-транспортная накладная с жирным фиолетовым штампом спецприемки. Вечерний спецгруз: тридцать коробок кодеиносодержащих прекурсоров и сильнодействующих растворов для заводской медсанчасти, доставленных два часа назад, в конце затянувшейся вечерней приемки. Я еще тогда удивилась столь поздней и нервной поставке, но экспедиторы спешили, ссылаясь на срочный приказ свыше.

Часы на стене сухо щелкнули, отмеряя полночь.

Я потянулась к распределительному щиту в коридоре, собираясь перевести замок входной группы в режим глухой ночной блокировки, когда терминал эквайринга жалобно пискнул и погас. Следом с сухим треском мигнули люминесцентные лампы под потолком. На городском аппарате зажглась кнопка внутренней связи, и из динамика донесся срывающийся голос дежурного диспетчера скорой:

— Марина Николаевна? Ты одна на Ленина? Дверь немедленно запри на оба засова. На окраине, прямо возле шлакоотвалов, два вооруженных разбоя подряд. Налетчики со стволами, брали оптовые склады. Все свободные экипажи ППС сорвали туда, центр пустой, буран перекрыл выезды. Если что подозрительное — сразу жми тревожку, не раздумывай.

Связь оборвалась короткими гудками.

Сердце глухо толкнулось в ребра. В Рудном паника стояла слишком дорого — суровый рабочий город не прощал слабости. Я перевела тумблер на щитке на резервный силовой контур. Лампы зажглись ровным светом, а тяжелая стальная штора ночного шлюза с гулом опустилась, отрезав торговый зал от тамбура. Теперь связаться со мной можно было лишь через узкое бронированное окошко с выдвижным металлическим лотком.

Едва я вернулась к кассе, как в триплекс с улицы обрушился тяжелый, требовательный стук.

В проеме уличного шлюза стоял высокий мужчина в черном пуховике с глубоко надвинутым капюшоном. Снег на его плечах еще даже не таял.

— Аптека закрыта, — ровно произнесла я в микрофон селектора. — Отпуск препаратов только по экстренным рецептам скорой помощи.

Мужчина поднял голову. Из темной глубины капюшона глянули мутные белесые глаза с расширенными зрачками. Он швырнул в лоток смятую пятитысячную купюру и с силой ударил кулаком в стекло:

— Открывай давай, слышь, фармацевточка. Не зуди. Выкатывай Трамадол, весь, что есть в сейфе. И чистый дигидрокодеин в заводской фасовке. Быстро шевели пальчиками, пока стекло цело!

Холодная волна прокатилась по спине. Дигидрокодеин. Так препарат называли только технологи подпольных лабораторий, варившие синтетику на заброшенных промзонах. Он точно знал состав прибывшего спецгруза.

— Препараты строгого учета отпускаются по рецепту установленной формы, — я хладнокровно нажала рычаг возврата лотка, выталкивая купюру наружу. — Бланка у вас нет. Препарат вы не получите. Уходите, я вызываю дежурный наряд.

Лицо визитера перекосило от бешенства. Он выдернул из-под полы куртки полуметровую стальную монтировку и со всей дури вогнал ее под нижний край стальной шторки шлюза. Заскрежетал сминаемый металл, шторка подалась на полсантиметра, взвыл аварийный зуммер перегрузки привода. Но каленый стальной ригель выдержал. Мужчина отскочил, сунул два пальца в рот и залихватски свистнул в метель заснеженного двора.

Из тьмы вынырнули две рослые тени с ломami и буксировочным тросом. Они бросились к глухому служебному входу зоны разгрузки во дворе.

Я метнулась к кассовой стойке и со всей силы вдавила красную кнопку тревожной сигнализации.

Ничего не произошло. Зеленый контрольный светодиод мигнул и погас. Силовой кабель снаружи перекусили болторезом за секунды до налета. Дрожащими руками я выхватила сотовый телефон, пытаюсь набрать «112». Но на экране горел серый перечеркнутый кружок: «Нет сети». Радиочастоты глушил портативный подавитель в машине налетчиков. Нападение спланировали с пугающей военной четкостью.

Со двора раздался чудовищный удар лома в деревянную обшивку служебной двери.

Я побежала по коридору в материальную комнату к сейфу класса «А». Если они заберут прекурсоры, город захлебнется в наркотическом угаре, а меня убьют как свидетеля.

Я захлопнула металлическую дверь материальной и навалилась на засов. Он скрежетнул и намертво заклинил: от мороза и сквозняка перекосило коробку в старой кирпичной кладке. Схватив со стола тяжелый чугунный аптечный пестик, я со всей силы ударила по перекошенному штифту. Металл звякнул, штифт проскочил в гнездо, замок закрылся на дублирующий ключ.

На бетонном полу белел смятый лист, выпавший из ящика при разгрузке. Я подняла его, быстро пробежала глазами и спрятала в карман.

Внутренняя копия накладной. В нижнем углу синел четкий оттиск гербовой печати, которого здесь быть не могло: «Канцелярия управления здравоохранения администрации г. Рудного. Заместитель начальника Воронов А. И.».

Маршрут спецмашины слили прямо из горздрава.

Снаружи взревел форсированный автомобильный мотор. Бандиты накинута трос на оконную решетку и прицепили к фаркопу темной «девятки». Колеса машины бешено взвизгнули по мерзлому асфальту.

Грохот разорвал тишину, словно взорвалась граната. Кирпичная кладка лопнула, кованую решетку вырвало с кусками бетона, и в подсобку хлестнул обжигающий ледяной ветер со снегом.

Сквозь клубы пара в пролом полез коренастый боевик в камуфляже и балаклаве. В его руке блеснуло широкое лезвие охотничьего ножа.

— Ключи сюда, овца! — прохрипел он, спрыгивая на кирпичи. — Сейф вскрывай, пока живая!

Я сделала шаг назад и щелкнула рубильником общего освещения, погружая коридор в непроглядный мрак. Обеими руками сорвав со стены тяжелый порошковый огнетушитель ОП-5, я выдернула чеку и прижалась спиной к сейфу, готовясь встретить врага в упор.

Сквозь вой бурана и грохот кирпичей со двора донесся глухой, тяжелый удар захлопнувшейся автомобильной двери — словно кто-то без фар и сирен подошел вплотную к служебному входу. Нападавшие на секунду замерли, озираясь во тьму метели.

— Железо на крыше, — бросил один из них и снова повернулся ко мне.

* * *

Штырь двигался в темноте уверенно, по-звериному пригнувшись к полу. Его ботинки с хрустом крошили битый кирпич и штукатурку.

— Не дури, девка, — прошипел он, выставляя нож вперед. — Отдашь ключи по-хорошему — уйдешь на своих двоих. Не отдашь — здесь тебя под стеллажами и закопаем.

Мое сердце колотилось в горле, но пальцы держали связку намертво. Я знала: как только сейф откроется, меня зарежут.

— Забирай! — крикнула я и резким броском швырнула ключи в узкую двухсантиметровую щель под массивный несгораемый шкаф у стены.

Штырь взвыл от бешенства. Он метнулся ко мне быстрее, чем я успела вскинуть огнетушитель. Тяжелая ладонь в грязной перчатке сгребла ворот моего белого халата, с треском распарывая ткань, и с силой припечатала лопатками к стеллажу. С полка со звоном посыпались стеклянные флаконы.

Острая как бритва сталь охотничьего клинка легла прямо на мою сонную артерию. Я замерла, чувствуя, как лезвие вдавливается в кожу. Запахло дешевым табаком, перегаром и мерзлым железом.

— Рыпнешься — горло вскрою до позвонков! — прохрипел он в самое ухо. — Доставай ключи, сука! Ложись и доставай!

В разбитом окне возник второй налетчик с тяжелым двустольным обрезом:

— Штырь, кончай ее к чертям, некогда возиться! — крикнул он, озираясь на метель. — Трос заклинило, менты могут подтянуться!

Договорить он не успел.

Из глухой тьмы коридора, словно соткавшись из морозного пара, шагнула огромная фигура. Без единого шороха, без предупреждающего окрика. Мужчина в расстегнутой черной кожаной куртке поверх темного свитера с высоким воротом.

В руке вошедшего блеснул тяжелый граненый корпус металлического фонаря-шокера. Короткий рубящий удар пришелся точно в основание черепа бандита с обрезом. Налетчик без звука обмяк и мешком рухнул в сугроб за окном, а незнакомец левой рукой на лету перехватил падающее ружье и отшвырнул его в угол.

Штырь уловил колебание воздуха за спиной, и его рука с ножом судорожно дернулась к моему горлу.

Я зажмурилась, приготовившись к обжигающей боли. Стиснувший мой ворот кулак вдруг дернулся; я распахнула глаза.

Незнакомец уже преодолел разделявшие нас три метра. Тяжелый армейский берц врезался Штырю точно в подколенный сгиб с сокрушительной мощностью стального пресса. Сустав бандита вывернулся с хрустом. Штырь взвыл на высокой ноте, нож вылетел из руки и со звоном покатился по кафелю. Бандит рухнул на колени, захлебываясь криком.

Падая, он попытался дотянуться до клинка свободной рукой.

Мужчина не оставил ему шанса. Вся тяжесть его могучего тела обрушилась на кисть бандита — рифленая подошва наступила на пальцы, дробя их о плитку. Штырь захрипел, уткнувшись лицом в известку. Мужчина резким заломом вывернул его руку за спину, вдавил колено между лопаток и с сухим металлическим лязгом защелкнул наручники БР-2.

— Лежать, падаль. Дырку в башке сделаю, — низкий, пугающе спокойный голос прозвучал как выстрел. Так говорят люди, для которых беспощадное насилие давно стало частью протокола.

И тут со двора, сквозь разбитое окно, грохнул пистолетный выстрел.

Третий налетчик открыл огонь из ТТ по освещенному силуэту. Пуля со свистом выбила кирпичную крошку буквально в пяти сантиметрах от моей щеки, осыпав волосы белой пылью.

Я не успела вскрикнуть. Мужчина одним слитным движением закрыл меня собой — широкая, несокрушимая спина заслонила весь мир, перекрыв сектор обстрела. Он пах поро-

хом, морозом и выделанной кожей. В его правой руке мгновенно оказался табельный пистолет Макарова.

Два коротких выстрела разорвали тишину подсобки.

Снаружи раздался отчаянный мат, звон упавшего железа и крик раненого в рацию:

— Седой! Седой, сука, нас накрыли! Менты!..

Мотор легковушки заглох. Сквозь разбитое окно я увидела темную машину с распахнутой передней дверью. Во дворе слышались тяжелые шаги стрелка, улетающего в лабиринт заснеженных гаражей.

В воздухе повис сизый пороховой дым, смешанный с запахом спирта и свежей крови. Мои колени подогнулись, я начала беспомощно оседать на пол.

Но упасть мне не дали.

Сильные руки мгновенно подхватили меня под спину, властно и бережно подняли над полом и прижали к широкой, твердой как гранит груди. Я уткнулась лицом в колючую шерсть свитера, слыша быстрый, ровный ритм сильного сердца.

Большая мозолистая ладонь легла мне на затылок, прижимая голову и мягко закрывая глаза от вида лежащих на полу бандитов и темных луж на кафеле.

— Тихо, девочка. Тихо. Всё кончилось, — негромко произнес он над моим ухом. В его голосе не осталось и следа той звериной ярости, с которой он ломал кости нападавшим. В нем звучала неожиданная, глубокая мужская нежность. — Ты под моей защитой. Слышишь меня? Смотри только на меня. Не вниз.

Я подняла глаза. Суровое лицо с тяжелым подбородком, короткая стрижка с проседью на висках, серые глаза цвета уральской руды и тонкий шрам на левой скуле.

— Майор Григорий Шахов, уголовный розыск Рудного, — представился он, заметив, как я смотрю на него.

Шахов усадил меня на стул в углу, снял с пояса рацию и нажал тангенту. В динамике шипело мертвое белое молчание — глушилка в машине бандитов продолжала работать.

Выругавшись, майор подошел к окну и с размаху швырнул тяжелый металлический фонарь прямо в салон бандитской «девятки». Внутри что-то с треском разлетелось, и радиоэфир мгновенно взорвался позывными дежурной части:

— «Север-один», ответьте дежурному! Срочно...

— На Ленина, двадцать два, «Фарма-Север», — отчеканил Шахов в рацию. — Вооруженный налет банды Седого. Двое на полу, один ушел подранком к промзоне. Срочно опергруппу, криминалистов, скорую и оцепление. Лично Токарева сюда. Быстро!

Он перегнулся через подоконник, достал из раскуроченного бардачка брошенной машины выпавшие документы и вернулся в подсобку. В его окровавленных пальцах была пластиковая карточка служебного пропуска.

Я пригляделась. На синем пластике золотом сиял герб: «Отдел внутренних дел г. Рудного. Служба тылового обеспечения. Капитан тыловой службы...» — а внизу стоял четкий отпечаток гербовой печати и личная виза начальника тыла майора Кузьмина.

Нить предательства вела прямо в кабинеты городского отдела полиции.

Глава 2

Через десять минут улицу заполнили синие проблесковые маячки. Снег во дворе окрасился в тревожные багровые тона. С визгом тормозов к аптеке подлетели полицейские «патриоты» и скорая помощь. В подсобку влетел старший опер уголовного розыска капитан Токарев:

— Григорий Александрович! Живы? Мы как вызов перехватили — по сугробам на красный летели!

— Работай, Токарев, — оборвал его Шахов, указывая на стонущих боевиков. — Обоих под конвой в наручниках. В машине пропуск тыловики, пальчики снять до пылинки. Во дворе гильзы от ТТ, не затопчите.

Только сейчас, когда майор повернулся к свету прожектора, я увидела его правую руку.

Кожа куртки на рукаве была вспорота. Широкая ладонь майора была сплошь залита темной кровью, капавшей на кафель и на лежавший на столе протокол. Лезвие ножа Штыря глубоко рассекло ткани ладони у основания большого пальца, когда Шахов выбивал оружие.

Подскочивший фельдшер скорой развернул бинт:

— Товарищ майор, кровотечение сильное! Надо в ЦГБ, зашивать!

Шахов поморщился и с рыком отдернул руку:

— Некогда мне по больницам мотаться. Перекись залей и замотай наглухо, у меня план-перехват по городу и осмотр места происшествия.

Фельдшер смутился и отступил перед его тяжелым взглядом.

Во мне закипела профессиональная врачебная злость. Оставлять глубокую рану от грязного ножа под случайной повязкой было нельзя. Я подошла к Шахову, взяла его за здоровое плечо и заставила опуститься на деревянный табурет:

— Сидеть.

Шахов удивленно вскинул брови:

— Марина, на мне как на собаке заживет. Завтра само затянется.

— Майор, вы только что спасли мне жизнь, — отчеканила я, глядя прямо в его глаза. — А теперь дайте мне спасти вашу руку от флегмоны и сепсиса. Сядьте смирно. Это приказ медика.

Оперативники в дверях замерли. Токарев едва заметно хмыкнул в кулак: перечить Шахову командным тоном в этом городе не осмеливался никто.

Майор посмотрел на меня долгим взглядом. В его серых глазах мелькнула искра усмешки, сменившаяся глубоким уважением. Он молча опустил плечи и положил искалеченную руку на салфетку.

— В травмпункт надо, — робко подал голос фельдшер.

— Я зашью сама, — отрезала я. — Я фельдшер по первому образованию, потом получила высшее фармацевтическое. Три года на санитарном поезде в Чите, в хирургической бригаде. Не мешайте работать.

Натянув перчатки, я достала хирургический шовный набор. Атравматическая игла, шелковая нить, новокаин. Рана была глубокой — еще два миллиметра, и клинок перерезал бы сухожилие сгибателя.

— Будет больно, — предупредила я, набирая анестетик в шприц.

— Коли, — глухо бросил он, даже не дрогнув.

Игла вошла в напряженные, твердые как дубовая доска мышцы ладони. Я мягко положила прохладные пальцы на его предплечье:

— Потерпите, Григорий. Сейчас станет легче.

Его дыхание углубилось. Он не смотрел на рану — всё это время он не отрывал взгляда от моего лица.

Промыв разрез диоксидином и перекисью, я взяла иглодержатель. Пять узловых швов. Стежок за стежком, подчиняясь точной памяти полевого медика. Стянуть края, завязать надежный узел, срезать кончики нити.

На четвертом шве здоровая рука Шахова медленно поднялась и легла на мое запястье. Горячие, шершавые пальцы замкнулись на тонкой руке, безошибочно нащупывая частый пульс. Меня прошибло слабым током. Я чувствовала тяжелое тепло его тела, запах табака и снега, а он, казалось, черпал спокойствие из моих прикосновений.

— Пульс частит, доктор, — негромко произнес он, не разжимая пальцев. — Сама испугалась, а шьешь ровно. Рука не дрожит.

— Не дрожит, — выдохнула я. — Потому что знаю, что делаю.

На сгибе проступила сукровица. Я достала из личной аптечки гемостатическую губку с ионами серебра, прижала к шву и зафиксировала плотным эластичным бинтом.

Наклонившись ближе, чтобы закрепить клипсу, я почувствовала, как воротник порванного халата слегка распахнулся.

Шахов замер. Его взгляд упал на мою шею.

Там, на тонкой серебряной цепочке, лежал старинный нательный образок святителя Николая Чудотворца — темное черненное серебро, благословение погибшей матери. Майор благоговейно перевел взгляд с серебряного лика на мои глаза. В его жестком взгляде промелькнуло такое глубокое, чистое чувство, что у меня перехватило дыхание. В эту секунду я поняла: этот человек встанет за меня против всего мира.

— Готово, — сказала я, снимая перчатки. — Сорок восемь часов повязку не мочить. Руку не нагружать, пистолет держать левой. Завтра утром жду на перевязку.

Шахов поднялся и бережно сжал мои пальцы забинтованной рукой:

— У тебя золотые руки, Марина. Я твой вечный должник.

Он полез в карман кителя и положил на стол плотную карточку:

— Прямой номер спецсвязи УВД. Трубку беру только я сам. Если хоть одна подозрительная тень покажется на твоём пути — звони сразу. Поняла?

— Поняла, — кивнула я, пряча карточку в карман.

* * *

К пяти часам утра буран за окнами наконец утих, сменяясь глухим рассветом. За окном провыла сирена отъезжающего автозака. Эксперты закончили опись вещдоков.

Я стояла посреди разгромленного торгового зала, кутаясь в кофту:

— Надо провести внеплановую ревизию, составить акт списания до прихода комиссии из горздрава...

— Никаких ревизий, Светлова, — за спиной вырос Шахов в форменном кителе с забинтованной рукой на перевязи. — Банда понесла потери и может прислать зачистку — отомстить или убрать свидетелей. Аптека опечатывается следователем прямо сейчас. Здесь выставляется круглосуточный пост вооруженной охраны. Сюда ты вернешься только со мной и опергруппой. Сдай ключи Токареву под роспись в протоколе.

Спорить было бесполезно. Ключи уже достали из-под шкафа при осмотре. Я устало расписалась в бланке выемки и передала связку капитану.

— Григорий Александрович, — спросил Токарев. — Отправить Светлову домой на дежурной «буханке» ППС?

Шахов смерил его тяжелым взглядом:

— Светлову повезу я лично на своей машине. Вопросы есть, капитан?

— Никаких, товарищ майор, — козырнул Токарев.

На крыльце ледяной ветер ударил в лицо. Ступени обледенели, я оступилась, но Шахов мгновенно подхватил меня под локоть здоровой рукой. Заметив, как я дрожу от озноба, он

расстегнул пуговицы своего тяжелого форменного бушлата на овчине, снял его с широких плеч и набросил мне на спину.

Бушлат был огромным, тяжелым, пах табаком, морозом и абсолютной надежностью; его полы доставали мне до щиколоток, но от овчины исходило спасительное, сухое тепло. Он бережно запахнул воротник у моего подбородка и довел меня до стоявшего у обочины черного «Патриота».

В салоне внедорожника гудела печка, обдувая лобовое стекло горячим воздухом. Шахов повернул ключ в замке, мотор утробно заурчал. Майор положил руку на руль, взглянул на меня и нахмурился.

Слезы, которые я сдерживала всю эту страшную ночь, сами потекли по щекам, оставляя горячие дорожки на замерзшей коже.

— Эй... Ты чего, Марина? — его голос прозвучал непривычно мягко. Он накрыл мои ледяные пальцы своей теплой ладонью. — Всё позади. Я же сказал: никто тебя больше пальцем не тронет.

— Оля... — всхлипнула я, вытирая лицо рукавом его бушлата. — Дома сестра. Ей всего пятнадцать лет, она одна в квартире на Строителей. Если бандиты знали про груз, они могли пойти к ней!

Шахов чуть сжал мою руку:

— Успокойся и выдохни. Я пробил твое личное дело сорок минут назад, пока эксперты искали гильзы. Адрес, состав семьи, школа сестры. Еще до того, как скорая уехала от аптеки, я снял с маршрута экипаж ГИБДД и выставил прямо под окнами твоего дома. Старший лейтенант Смирнов лично держит подъезд. Ни одна собака во двор не заходила. О твоей сестре позаботились, Марина.

Я посмотрела на него сквозь слезы. Пока я боролась с ужасом, он хладнокровно просчитал всё на два шага вперед, выстроив вокруг нас непробиваемую стену защиты.

— Спасибо, — прошептала я, чувствуя, как от сердца отступает ледяной страх.

«Патриот» стоял у обочины; печка уже прогрела салон.

— Теперь о деле, — Шахов повернулся ко мне. — Откуда у налетчиков накладная? Кто знал о ночном рейсе?

Я достала из кармана найденный лист:

— Вчера трижды звонил заместитель начальника горздрава Воронов. Буквально выкручивал руки, требовал принять партию именно к ночной смене, угрожал закрыть аптеку и лишить лицензии. А этот лист выпал из ящика при разгрузке.

Перед выездом со двора Шахов включил плафон, сличая оттиск печати на накладной с изъятым у налетчиков пропуском тыловики. На одном документе стояло имя Воронова, на другом — виза Кузьмина: две разные службы, две нити к одной бандитской машине.

— Значит, Воронов, — процедил Шахов со стальной яростью. — Гнал прекурсоры банде Седого под видом городских медицинских поставок. Теперь у меня есть за что взять его за глотку.

Закончив с документами, Шахов убрал их в папку, и мы тронулись. Внедорожник заехал во двор сталинки на улице Строителей. Возле первого подъезда действительно мигала габаритными огнями патрульная машина.

Внезапно Шахов резко затормозил. Возле мусорных баков в углу двора шевельнулась темная фигура в длинном пальто, пытавшаяся рассмотреть сквозь тонировку номер нашего внедорожника.

Шахов ударил лучом мощного фароискателя с крыши. Ослепленный светом неизвестный метнулся в темноту между гаражами.

— Наружка Седого, — глухо констатировал майор, выключая прожектор. — Пасут дом. Ждали вестей из аптеки.

Машина мягко встала у крыльца. Шахов заглушил мотор.

Я потянулась к дверной ручке:

— Спасибо вам за всё, Григорий Александрович. Поезжайте в отдел, рука болит... Я сама поднимусь. Экипаж же во дворе.

Шахов щелкнул кнопкой центрального замка, блокируя двери, и посмотрел мне в глаза:

— Ты никуда одна не пойдешь, Светлова. И с этой ночи ты одна по этому проклятому городу больше не сделаешь ни единого шага. Поняла меня? Ни шагу.

Он вышел первым, обошел капот по сугробам, распахнул мою дверь и протянул забинтованную руку:

— Я иду наверх. Проверяю замки, осматриваю окна и лично знакомлюсь с твоей сестрой. Пошли.

Я вложила пальцы в его ладонь и шагнула в морозное утро, чувствуя за спиной несокрушимую мужскую стену.

Глава 3

Было половина шестого утра, когда мы подошли к первому подъезду сталинского дома на улице Строителей. Уральский мороз не отпускал: ледяной воздух обжигал горло, а за воротником бушлата Шахова, в который я всё еще куталась до самых щиколоток, уютно держалось сухое тепло овчины. Майор шел рядом, придерживая меня под локоть здоровой рукой, а его забинтованная кисть покоилась на черной косынке.

Подниматься на четвертый этаж по широкой скрипучей лестнице пришлось в полутьме: единственная тусклая лампочка горела только на втором. Я достала связку ключей, молясь про себя, чтобы не разбудить сестру. Но стоило вставить ключ в закишшую замочную скважину, как старый сувальдный замок отозвался противным, звонким скрежетом.

Дверь резко распахнулась изнутри.

На пороге стояла Ольга. В фланелевой пижаме с синими снежинками, босая на холодном паркете, с бледным от смертельного испуга лицом. В обеих руках пятнадцатилетняя девчонка сжимала тяжелую буковую кухонную скалку, готовясь защищать наш дом.

— Оля, опусти, — тихо и мягко сказала я, шагнув вперед и обнимая ее за дрожащие плечи. — Всё хорошо, маленькая моя. Всё позади. Мы не одни.

Сестра медленно опустила скалку, но ее глаза расширились от ужаса, когда она увидела за моей спиной гигантскую фигуру в расстегнутой черной кожаной куртке. Шахов заполнял собой весь дверной проем, касаясь макушкой высокого косяка.

— Здравствуйте, Ольга, — негромко, подчеркнуто спокойно произнес майор.

С его тяжелых армейских берцев сорок пятого размера на вычищенный половичок в прихожей мгновенно потек талый снег вперемишку с кирпичной пылью из разгромленной аптеки. Шахов опустил взгляд, заметил темные капли и, не говоря ни слова, ловко расшнуровал тяжелые ботинки единственной левой рукой. Оставив берцы у порога, он прошел в коридор в одних темных носках, осторожно и бережно обходя мои девичьи туфли. Эта неожиданная бытовая деликатность грозного опера тронула меня до глубины души.

— Я осмотрю периметр, — негромко сказал он мне, проходя в комнату.

В моей спальне он сразу подошел к балконной двери. Снаружи, со стороны глухого двора, прямо к нашему четвертому этажу поднималась наружная металлическая пожарная лестница. Ее ржавые перекладыны проходили всего в полуметре от перил балкона — идеальная брешь для проникновения врага и одновременно спасительный маршрут для экстренной эвакуации. Рассохшаяся деревянная рама дрожала от ветра. Шахов достал из кармана складной офицерский нож с пассатижами, протянул разболтанные петли и заклинил нижний шпингалет деревянным клином, срезанным со щепки:

— Балкон пока не открывать. С улицы теперь не зайдут. Если придется выходить самим — клин вытаскивается изнутри.

Я прошла на кухню, чтобы согреть чайник. Но стоило взять алюминиевую ручку, как пальцы свело нервной судорогой — пережитый ужас ночного штурма догнал запоздалой волной. Рука дернулась, и крутой кипяток плеснул мимо чашки на клеенку.

Шахов вырос рядом мгновенно. Его горячая здоровая ладонь мягко накрыла мои ледяные пальцы, забирая чайник:

— Сядь, Марина. Я сам.

Грозный начальник уголовного розыска сполоснул кружки, насыпал крупнолистовой черный чай и раздвинул шторы, впуская в кухню стылый рассвет. Он сам придвинул сахарницу мне и замершей в дверях Ольге, естественно и просто заняв место во главе нашего маленького стола.

— Почему вы в форме? — прямо спросила Ольга, вперив в него настороженный взгляд.
— Марин, что случилось в аптеке?

Я открыла рот, чтобы смягчить правду, но Шахов покачал головой:

— На аптеку напали вооруженные бандиты, Ольга. Твоя сестра вела себя как настоящий боец. Не отдала ключи и спасла сильнодействующие лекарства. Пока я не посажу всю банду, под вашими окнами будет круглосуточно дежурить полицейский патруль. В школу и обратно — только со мной. Ты всё поняла?

Ольга долго смотрела на его шрам на скуле, на перебинтованную ладонь, а затем медленно кивнула. Честный разговор взрослого сильного мужчины мгновенно разрушил подростковую колючесть.

Шахов допил чай и спустился во двор. Через стекло балконной двери я увидела, как он переговорил с прибывшим нарядом вневедомственной охраны и велел переставить патрульный УАЗ прямо под арку дома, наглухо перекрывая единственный сквозной проезд во двор.

Вернувшись наверх, майор накинул куртку у порога и строго посмотрел на нас обеих:

— Спать. Обеим. До вечера носа из квартиры не высовывать. Телефоны держать на максимальной громкости.

Он достал из кармана и положил на обувную полку тяжелую портативную рацию с прямым каналом дежурной части:

— Экстренный канал. Кнопку нажмешь — я услышу в ту же секунду.

Когда за ним захлопнулась дверь, я легла в постель, впервые за два года чувствуя за спиной глухую каменную стену, и провалилась в глубокий сон.

* * *

Я проснулась в два часа дня от яркого солнца, бившего в морозное окно. В комнате пахло свежим морозным воздухом и сухим деревом. Тревога не исчезла, но стала глухой, прирученной: подойдя к окну, я увидела внизу, в снежном плену двора, знакомый служебный УАЗ. Синий маячок на его крыше мерно покачивался, отражая солнечные блики. Мы были под охраной.

На кухне за круглым столом сидела Ольга. Перед ней лежали раскрытые тетради по органической химии, но взгляд сестры был устремлен в тарелку с остывшим супом.

— Оль, ты почему не ешь? — я села рядом, пододвигая к себе ее плечо.

Сестра насупилась, сжимая в пальцах шариковую ручку:

— Страшно, Марин. Нас что, теперь всегда менты караулить будут? Из-за твоей работы? Сначала мама с папой... теперь ты чуть под нож не попала.

Ее голос дрогнул, и в глазах блеснули слезы. Я обняла ее худенькие плечи, прижимая к себе. Два года после гибели родителей в автокатастрофе на скользком серпантине я тянула нас обеих, скрывая собственные страхи за белым халатом заведующей.

— Прости меня, маленькая, — тихо выдохнула я, целуя ее в макушку. — Мне тоже было страшно. Очень страшно. Все эти два года я боялась не справиться. Но сегодня ночью... появился человек, который не даст нас в обиду. Ты же видела его.

Ольга шмыгнула носом, помолчала, а потом вдруг вскинула подбородок:

— Мне в четыре в школу надо. У нас городской тур олимпиады по химии. Я полгода к нему готовилась, меня учительница убьет, если не приду!

— Никакой школы, Шахов запретил выходить, — отрезала я.

— Но это олимпиада! Мой единственный шанс на медаль! — в голосе сестры зазвенели отчаянные слезы.

Я задумалась на секунду, затем подошла к телефону и набрала номер директора школы, которую знала лично через поставки медикаментов. Через десять минут переговоров всё решилось: Ольге разрешили написать задания дома, через защищенный закрытый портал под

дистанционным видеоконтролем преподавателя. Мечта девочки была спасена без малейшего риска для безопасности.

Ольга с облегчением выдохнула, застучала по клавишам старенького ноутбука, а через полчаса, пока закипал чайник, вдруг лукаво прищурилась:

— Марин... А ты видела, как этот майор на тебя смотрел?

Я чуть не выронила банку с заваркой:

— Как смотрел? Обыкновенно. Он начальник уголовного розыска, у него работа такая — свидетелей защищать.

— Ага, конечно, работа! — фыркнула Ольга, хитро улыбаясь. — По служебному долгу чужие бушлаты на девчонок не надевают и чай по чашкам не разливают, забыв про свою раненую руку! Он на тебя смотрел... как на икону в церкви. Честное слово. У него глаза прямо горели, когда ты мимо проходила.

Мои щеки мгновенно залило предательской горячей краской. Я попыталась строго сдвинуть брови, но улыбка сама коснулась губ.

— Не выдумывай глупостей, его только поимка Седого интересует.

— Не ври себе, сестренка, — Ольга взяла меня за руку, и ее взгляд стал взрослым и недетски серьезным. — Он настоящий. Знаешь, мне с ним в коридоре впервые за два года не было страшно. Если он захочет быть с нами... ты не гони его, ладно?

Мое сердце сжалось от нежности к этой ершистой, но чуткой девочке.

В этот момент зазвонил мой сотовый. На связи была заведующая городской аптечной сетью:

— Светлова, витрину на Ленина уже заменили и заварили решетку. Сегодня некому выйти в ночь, все боятся. Выходишь ты.

— Я выйду, — спокойно ответила я, глядя на патрульную машину под окном. — Но только при одном условии: у входа всю смену будет стоять дежурный экипаж майора Шахова. Иначе ищите замену.

Заведующая растерянно согласилась. Следом я позвонила Шахову: он подтвердил, что торговый зал следователь разрешил открыть, а сейфовую и архив оставил под печатями. «Приедет Токарев, тебя одну не оставят», — добавил он. Я положила трубку, чувствуя, как сладко и непривычно опираться на авторитет сильного мужчины. Сегодня в полночь я снова буду за аптечным стеклом. А он обещал не оставлять меня одну.

Глава 4

К полуночи уральский мороз перевалил за двадцать два градуса. За новой бронированной витриной «Фарма-Север» выла белая поземка, замечая черные колеи проспекта Ленина. В торговом зале пахло свежей штукатуркой и масляной краской. Я стояла за кассовой стойкой, механически перебирая упаковки парацетамола, но все мои мысли были прикованы к темному перекрестку за окном.

Внезапно у светофора притормозил незнакомый тонированный микроавтобус. Сердце предательски ухнуло вниз: неужели повторный налет? Я невольно потянулась к кнопке тревоги, но микроавтобус медленно тронулся и растаял в снежной пыли. На настенных часах стрелки сошлись на 00:00.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.